

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ТЕКСТЫ

Большая серия
IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
имени А.С.ПУШКИНА

ПУТЕШЕСТВИЕ
УН-АМУНА
В БИБЛ

Египетский иератический папирус №120
Государственного музея изобразительных искусств
им. А.С.Пушкина в Москве

Издание текста и исследование
М. А. Коростовцева

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР В. В. СТРУВЕ

МОСКВА 1960

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАПИРУСА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Папирус с отчетом Ун-Амуна о путешествии в Библ стал собственностью Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина вместе со всей коллекцией В. С. Голенищева.

О том, как этот ценнейший документ попал в руки Голенищева, мы узнаем из его слов: «Незадолго до моего приезда в Египет осенью 1891 г. несколькими феллахами около местечка Эль-Хибэ против города Фешна, в Верхнем Египте, был найден старинный глиняный сосуд, содержащий несколько древнеегипетских папирусных свитков. Как водится, феллахи поделили свою находку, но для того чтоб каждому из них досталась более или менее равная доля, они порвали на части найденные рукописи. Случайно в ту же осень большинство фрагментов этих рукописей перешло в руки двух знакомых мне торговцев древностями в Каире, от которых понемногу мне посчастливилось их скупить. При ближайшем осмотре фрагментов обнаружилось, что они первоначально принадлежали трем отдельным рукописям: две из них мне почти вполне удалось восстановить, а от третьей, состоявшей первоначально из трех листов, оказались налицо: первая четверть и вторая половина первого листа, весь второй лист и лишь очень попорченное начало третьего листа. Недостающих кусков последней рукописи, наиболее длинной и интересной из трех, несмотря на все мои розыски в Каире и в Верхнем Египте, я никак найти не мог, и лишь небольшой фрагмент был впоследствии мне подарен (в 1892 г.) покойным другом моим, профессором Гейнрихом Бругшем, к которому этот кусочек случайно попал в числе папирусов, присланных ему из Египта в Берлин»¹. Эта самая длинная из трех рукописей и является папирусом № 120. В настоящем издании иератический папирус впервые публикуется полностью.

Что касается остальных двух рукописей, найденных вместе с папирусом № 120, то одна из них также весьма ценна для науки: это [5] «Голенищевский глоссарий», хранящийся также в ГМИИ им. А. С. Пушкина под номером 169 (4675). Как известно, это один из вариантов ономастикона Аменопе, все списки которого датируются временем XXI–XXII династий. По палеографическим данным «Голенищевский глоссарий», исследованный и опубликованный Гардинером, настолько близок к папирусу № 120, что Гардинер и Черный полагают, что оба папируса написаны одной и той же рукой и во всяком случае являются современниками².

Наконец, третья рукопись — литературное письмо времени XXI династии³ — также хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина под номером 127. Она еще не опубликована.

Таким образом, папирус № 120 был найден вместе с двумя другими папирусами, и все три датируются временем XXI династии.

Эль-Хибэ, вблизи которого были найдены папирусы, приобретенные В.С. Голенищевым, расположен на острове против города Фешн на западном берегу Нила. Эль-Хибэ (арабское الحيبه) находится в мудириэ Миния, в марказе Фешн. Он расположен в 150 км к югу от современного Каира, немного южнее 29° с. ш. На восточном берегу реки против Эль-Хибэ до сих пор сохранились развалины древнего города, который греки называли Анкиронполис, копты — **теухо** или **тоухои**, древние египтяне — *t3jwdjt* («их стены») или *Dhnt* .

Там же была и крепость, которая называлась «лагерь»⁴.

«Развалины этого города, видимые до сих пор, состоят из городской стены на востоке и юге, на севере — из массивного сооружения из кирпича-сырца, построенного на довольно

¹ В. С. Голенищев, Гиератический папирус из коллекции В. Голенищева, содержащий отчет о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию (Сборник статей учеников профессора В. Р. Розена, СПб., 1897), стр. 45, 46.

² А. Cardiner, *Onomastica*, p. 24, 27, 28.

³ А. Cardiner, *Remarques sur la particule démotique «HMY»*. «Chronique d'Egypte», XXX année, № 60, juillet, 1955, p. 289.

⁴ W. Spiegelberg, *Briefe der 21 Dynastie aus El-Hibe*, ZÄS, 53 (1917), 2 n. 25, 26.

высокой скале на берегу Нила. Городская стена толщиной 12,6 м доходила до Нила и тянулась на протяжении 626 м. На некоторых ее кирпичках обнаружены были имена верховного жреца Амуна Менхеперра, его жены Исимхеб и их сына Пинотема (XXI династия). Маленький храм, посвященный Сехмет, расположился в самой городской стене: начатый Шешонком I, он сохранил картуш его сына, верховного жреца Амуна, Аупута и затем Осоркона II (XXII династия). Древний некрополь города к востоку от города был разграблен еще в римские времена»⁵. [6]

Город и крепость были построены во времена XXI династии верховным жрецом Амуна Менхеперра⁶. Таким образом, влияние фиванского жречества должно было быть здесь господствующим. И действительно, из корреспонденции времен XXI династии, происходящей из Эль-Хибэ и приобретенной в 1895 г. Шпигельбергом у антиквара Абд-эль-Мегида в Луксоре, явствует, что авторы и адресаты во многих случаях были жрецами Амуна, и чаще других божеств упоминается именно этот бог⁷. В одном фрагменте названа даже жрица Амуна⁸. Здесь был храм Амуна. Фиванское влияние сохранялось здесь еще долго и после XXI династии: в юридических формулировках обнаруженных здесь демотических документов 21 года Псаметиха I (XXVI династия) ясно видны следы фиванской традиции⁹. Город *Dhnt*, о котором идет речь, не следует смешивать с несколькими другими городами в Среднем Египте¹⁰. Слово имеет значение «скала», «выступ скалы»¹¹.

Таким образом *Dhnt*, вблизи которого были найдены все три папируса — № 120, 169 и 127, — был городом верховных жрецов Амуна Фиванского. Поэтому не будет слишком смелым предположение, что эти три документа хранились в архивах храма Амуна в этом городе: вполне естественно, что отчет или повесть Ун-Амуна, посланца верховного жреца Амуна в Фивах в Библи, должна была храниться где-то в архивах жречества Амуна. Не только сюжет папируса, но и отраженное в нем мировоззрение указывают на органическую связь этого текста со жречеством Амуна. Анализ отчета Ун-Амуна обнаруживает явно выраженную, проникающую все произведение религиозную концепцию. Прежде чем остановиться на ней, отметим, что эта тенденциозность несколько не опорочивает в целом историческую ценность документа: ведь все египетские исторические источники в той или иной степени носят отпечаток религиозных воззрений их составителей.

Религиозная концепция, отраженная в отчете Ун-Амуна, явно фиванская. В описании сцены с одержимым в Библи мы находим следующие слова, вложенные в уста одержимого жреца: «Доставь бога (?) наверх, доставь посланца, который с ним; (это) Амун послал его, (это) он приказал, чтобы он пришел (сюда)» [1,39 (1, X + 4) — 1,40 (1, X + 5)]. Эти слова жреца обращены к правителю Библи, который в течение 29 дней не хотел пустить Ун-Амуна в свои владения. Таким образом, у египетского читателя должно было сложиться впечатление, что правитель Библи перестал [7] упорствовать и принял Ун-Амуна после того, как убедился в том, что он подлинный посланец Амуна: авторитет этого бога сломил сопротивление библиского правителя.

В разговоре с последним Ун-Амун утверждает согласно древней традиции, что владыкой и хозяином не только всего моря, но и всего Ливана является фиванский бог Амун: «Ему принадлежит море, ему принадлежит Ливан» (2,24).

Гораздо интереснее, что правитель Библи, не признавая политической гегемонии владык Египта, произносит речь, в которой признает безусловное верховенство египетского бога: «Ведь Амун создал страны все, он создал их после того, как он создал страну Египет,

⁵ M. Baud, *Egypte, Les guides bleus*, Paris, 1950, p. 351, 352; см. также: В. Porter-R. Moss, *Topographical bibliography*, IV; F. Criffith, *Catalogue*, III, p. 37; см. также G. A. Wainwright, *El-Hibah and Esh-Shurafa and their connection with Herakleopolis and Cusae*, ASAE, 27 (1927), 76–104.

⁶ H. Gauthier, *Dictionnaire*, v. VI (1929), p. 97.

⁷ W. Spiegelberg, *Briefe der 21 Dynastie aus El-Hibe*, S. 24–28.

⁸ *Ibid.*, S. 11.

⁹ M. Malinine, *Choix des textes juridiques en hieratique «anormal» et en démotique*, Paris, 1953, XVIII.

¹⁰ H. Gauthier, *Dictionnaire*, v. VI (1929), p. 97.

¹¹ W, V, 487 (11–13).

откуда ты пришел, раньше всего» (2,19–2,20). Далее тот же правитель Библа признает египетское происхождение культуры и знаний в своей стране (2,21–2,22). Затем Ун-Амун указывает, что Амун был владыкой предков правителя Библа и что сам правитель Библа — слуга Амуна (2,31–2,32). Таким образом, Ун-Амун и правитель Библа согласны в том, что Амун — всемогущий бог, что его сила и влияние распространяются и на другие страны, включая Библ. Далее египтянин обещает правителю Библа благодать в загробном мире и продление земной жизни на 50 лет, если он проявит преданность фиванскому богу (2,54–2,59).

В ответ на это правитель Библа восклицает: «Поучение великое в словах это, которые ты сказал мне» (2,60).

Когда Ун-Амун подвергается опасности на Аляшии, он указывает на недопустимость своего положения в разговоре с правительницей Хетеп: «Я емь посланец Амуна» (2,81).

Таким образом, весь отчет от начала до конца пронизан мыслью о верховенстве Амуна, выражающей важную сторону фиванской доктрины об Амуне.

Что же представляет собой содержание этого папируса — подлинный отчет египетского чиновника, посланного с ответственным поручением в Библ, или литературный вымысел в реалистическом изложении? Точки зрения египтологов в этом вопросе расходятся. Приведем оценки исследователей, изучавших этот важный документ.

Начнем с В.С. Голенищева, открывшего папирус: «Несмотря на пробелы, которые в настоящее время во многих местах прерывают текст рукописи, первоначально состоявшей из трех листов, эта рукопись является новым и весьма ценным историческим документом, проливающим немалый свет на политические и торговые сношения Египта с Сирией во времена XXI египетской династии, т. е. приблизительно за 1000 лет до Р. Х. По содержанию рукопись представляет собой отчет о путешествии, предпринятом египтянином Ун-Амуном в Финикию по поручению Хир-Хор-а, верховного жреца Амона и правителя Египта. Цель [8] путешествия — закупка леса для постройки нового корабля, предназначавшегося для плавания по Нилу во время священных процессий в честь Амона. Помимо исторически важных данных о нескольких сирийских правителях — современниках египетского царя-жреца Хир-Хор-а, рукопись эта дает нам еще крайне интересные сведения о нравах и обычаях двух народов, живших по сирийскому побережью»¹².

Эрман еще более определенно выразил подобную же точку зрения: «Я даже считаю, что текст является оригиналом отчета или его копией. Причина, по которой Ун-Амун столь подробно отчитывается о своем путешествии, заключается в том, как это правильно отметил М. Мюллер, что он старается оправдать неудачный исход своего предприятия»¹³.

Брэстед еще в 1905 г., присоединяясь к упомянутым ученым, также оценил этот папирус как подлинный отчет¹⁴. Этой же точки зрения он придерживается и в своей многотомной публикации египетских исторических источников: «Наш документ является подлинным отчетом Ун-Амуна — в этом для меня после изучения его нет никаких сомнений»¹⁵.

Чешский египтолог Я. Черный, большой знаток новоегипетских текстов, отметив, что в эпоху Нового царства и позже деловые документы почти всегда писались так, что строки были перпендикулярны направлению волокна папируса, тогда как в литературных текстах, как правило, строки параллельны направлению волокна, пишет: «Текст папируса, повествующий о злоключениях Ун-Амуна в Сирии во время XXI династии, также написан таким образом (строки перпендикулярны направлению волокна. — М. К.) и поэтому является не литературным произведением, каковым ею считали, но подлинным отчетом, о чем свидетельствует его стиль и язык. И почти наверное это именно подлинный отчет, а поэтому нет надежд открыть его копию, которая дополнила бы отсутствующие места, что было бы

¹² В.С. Голенищев, *Гиератический папирус из коллекции В. Голенищева...*, стр. 45, 46.

¹³ А. Erman, *Eine Reise nach Phönizien im II Jahrhundert vor Chr.*, ZÄS, 38 (1900), 2.

¹⁴ J.H. Breasted, *The report of Wenamon*, AJSL, v. 21 (1905), p. 100–109.

¹⁵ J.H. Breasted, *Ancient records*, § 557, p. 274.

возможно, если бы это был литературный текст, имеющий копии»¹⁶. И действительно, мы даже не располагаем ни одним остраконом, в котором была бы хоть одна фраза из отчета Ун-Амуна, не говоря уже о папирусах. Позенер сообщает: «Черный информировал меня, что он считает этот текст не литературным произведением, а подлинным отчетом (или его тщательной копией)»¹⁷.

Такое же мнение в категорической форме выражено у Хелька и Otto¹⁸. [9]

Б.А. Тураев, перечислив разные подлинные исторические документы, освещающие международные отношения на Древнем Востоке, продолжает: «Сюда же следует отнести отчет о путешествии египетского посла Ун-Амуна, отправленного во время раздвоения Египта в конце XX династии в Финикию, уже тогда вышедшую из-под египетского владычества, покупать лес для потребностей Карнакского храма. Он рассказывает о своих приключениях у филистимлян, финикийцев, на Кипре, при дворах местных князей»¹⁹. В своем прекрасном труде, посвященном египетской литературе, Б.А. Тураев пишет: «Мы полагаем, что он представляет литературную версию действительного отчета, возможно, что и во славу Амона, с присочинением речей. Как литературный памятник он имеет первостепенное значение по живости рассказа, по передаче чувств и настроений (например, тоска по родине), по образному и живому языку, употребляющему поговорки»²⁰.

Эту точку зрения поддерживают и другие советские ученые, например акад. В.В. Струве. «Для иллюстрации того, как низко пал авторитет Египетского государства, можно привести несколько строк из отчета египетского чиновника Ун-Амуна, который по поручению верховного жнеца бога Амона (Фиванского) Херихора и по поручению царя Таниа и других правителей номов должен был поехать в Финикию за кедровым лесом...»²¹. По существу повторяя мнение В.В. Струве, В.И. Авдиев дает следующую оценку папирусу № 120 ГМИИ: «Важные исторические факты прекрасно отражены в „Путешествии Ун-Амуна“, посланного в Сирию, когда в Фивах правил первосвященник Амона Херихор, захвативший впоследствии верховную государственную власть в свои руки. Можно предполагать, что в основу этого рассказа легло вполне реальное путешествие «старейшины палаты управления Амона в Фивах» Ун-Амуна для закупки дерева. В соответствии с этим весь рассказ выдержан в строго реалистическом стиле и мастерски облечен в художественную форму»²².

В предисловии к «Сказкам и повестям древнего Египта» (М., 1956, стр. 9) И.С. Кацнельсон подчеркивает, что в Египте были не только сказки, но и рассказы, в основе которых лежали подлинные события, впоследствии приукрашенные и опозитизированные. И.С. Кацнельсон считает, что таким произведением в первую очередь был знаменитый автобиографический рассказ Синухе, а также рассказ Ун-Амуна, о котором он говорит: «Этот рассказ очевидца значительно менее приукрашен, чем предшествующий, хотя также подвергся последующей литературной обработке». [10]

Однако существует и противоположная точка зрения. А. Видеман, указав, что ряд ученых видит в этом документе подлинный отчет, заявляет: «Это невозможно. Отсутствие необходимых в историческом документе царских титулов, все изложение, стиль описаний — все это показывает, что текст относится к художественной литературе и является приключенческим повествованием. Не без оснований сравнивали этот текст с рассказом об одержимой принцессе. Этот последний рассказ должен был обратить особое внимание на целебные свойства бега Хонсу, исполнителя предначертаний. Данный же папирус имеет целью ясно показать, как Амун Дорожный пришел на помощь несчастному страннику... Поэтому для чисто исторических целей наш текст служить источником не может, но для

¹⁶ J. Černý, *Paper and books in ancient Egypt*, London, 1952, p. 22.

¹⁷ G. Posener, *Les richesses inconnues de la littérature égyptienne*, RE., 6 (1951), p. 41, n. 8.

¹⁸ Helck — Otto, *Kleines Wörterbuch der Aegyptologie*, Wiesbaden, 1956, S. 407.

¹⁹ Б.А. Тураев, *История древнего Востока*, т. I, Л., 1935, стр. 10.

²⁰ Б.А. Тураев, *Египетская литература*, М., 1920, стр. 199.

²¹ В.В. Струве, *История древнего Востока*, изд. 2, М., 1941, стр. 209.

²² В.И. Авдиев, *История древнего Востока*, изд. 2, М., 1953, стр. 299.

истории культуры, напротив, его значение очень велико. Рассказ Синухе набрасывает картину жизни у бедуинов южной Сирии в конце III тысячелетия до н. э., здесь же обрисована жизнь на сирийском побережье в начале I тысячелетия до н. э.»²³.

Далее А. Видеман указывает, что если отдельные факты повествования Ун-Амуна соответствуют обстановке того времени, то это лишь свидетельствует о стремлении египетской литературы более или менее реалистически изображать жизнь или общий фон, на котором разворачивается повествование.

Точку зрения Видемана разделяет и Масперо: он также считает, что текст является литературным произведением, — на это указывают и манера изложения и все содержание; он полагает, что Видеман правильно сопоставляет отчет Ун-Амуна со сказкой о принцессе Бахтан: оба текста сближает то, что в них подчеркивается значимость божеств — в сказке о принцессе — бога Хонсу, в отчете Ун-Амуна — бога Амуна Дорожного, одной из ипостасей бога Амуна. Масперо подчеркивает, что текст вышел из «официального архива Амуна и редактор придал ему исторический облик, чтобы сделать его более правдоподобным. Может быть, он имел под руками подлинные документы, которые дали ему возможность точно датировать свое повествование»²⁴. Однако и Масперо признает историческую ценность текста, особенно той его части, где говорится о положении на восточном побережье Средиземного моря, и между прочим обращает внимание на сходство между теми местами отчета Ун-Амуна, где описываются переговоры между ним и правителем Библа, с одной стороны, и повествованием Библии о переговорах между Хирамом Тирским и Давидом и Соломоном — с другой: в обоих случаях речь идет о закупке леса; правитель Библа и Хирам Тирский торгуются, недовольны сначала, но затем становятся уступчивыми. [11]

Т. Пит ограничивается в основном подчеркиванием литературных достоинств текста: «Мы имеем здесь рассказ, относящийся, несомненно, к большой литературе, в котором нет погони за эффектом. Это превосходная картина заката и упадка Египетской империи, пронизанная горячей верой во всемогущество Амуна, который может оказаться спасителем, как и в давние времена. Рассказ достоин сравнения с лучшими образцами ветхозаветной литературы...»²⁵.

Наконец, Гардинер отчасти разделяет эти взгляды: «Рассказ Ун-Амуна рассматривали как подлинный исторический документ, но живая манера изложения и диалоги решительно опровергают такую точку зрения; в лучшем случае это повествование является фикцией, в основе которой лежат подлинные события, и повесть Синухе является более ранней параллелью»²⁶. Ему же принадлежат и следующие слова: «Повесть Ун-Амуна является загадкой... Мы не можем определенно решить, исторический ли это документ или фикция... Эта повесть равноценна рассказу Синухе»²⁷.

Г. Лефевр синтезирует обе эти точки зрения, все же склоняясь на сторону тех, кто оценивает повествование Ун-Амуна как подлинный отчет: он считает, что этот текст является литературной обработкой официального документа, как и рассказ Синухе, и называет оба эти произведения «историческими романами»²⁸. В одном демотическом документе времени Дария (семейная хроника Петеисэ), обнаруженном там же, где и отчет Ун-Амуна, — в Эль-Хибэ, мы находим интересное указание на то, как иногда происходили записи действительно имевших место событий. Некто Ахмосе, сын Патехаремпе, посетил город Теуджой и поинтересовался причиной его упадка и разрушения. Администратор храма посоветовал Ахмосе обратиться за информацией к жрецу Петеисэ. В документе говорится: «Я (т. е. Петеисэ) сказал ему: Пусть дадут мне лист папируса, чтобы я мог описать все, что

²³ A. Wiedemann, *Altägyptische Sagen und Märchen*, Leipzig, 1906, S. 94.

²⁴ G. Maspero, *Les contes populaires de l'Égypte ancienne*, 4-me édition, Paris, p. 215.

²⁵ T. Peet, *A comparative study of the literatures of Egypt, Palestine and Mesopotamia*, London, 1931, p. 50.

²⁶ LES, p. V.

²⁷ A. Gardiner, *Writing and literature, in Glanville's «The Legacy of Egypt»*, Oxford, 1943, p. 76

²⁸ G. Lefébvre, *Romans*, p. 205.

произошло (здесь)". И Ахмосе дал мне лист папируса; я описал все, что было сделано, чтобы разрушить Теуджой. Ахмосе прочел папирус, громко вскрикнул и сказал мне: "Клянусь Рэ, я узнал, что ты был прав". Сказал я ему: "Я поведал тебе события, происшедшие со мной, и [боюсь, что] жрецы убьют меня [за это]". Он запечатал папирус, дал и мне запечатать его вместе с ним; он отдал его человеку и приказал доставить в местопребывание правителя»²⁹.

Весьма вероятно, что и отчет Ун-Амуна возник приблизительно так же. [12]

Известный американский ориенталист Олбрайт в ряде работ уделил много внимания отчету Ун-Амуна и также пришел к выводу, что текст — не литературный вымысел, а документ, отражающий действительность: «Некоторые считали его вымыслом, но это полное непонимание текста. Поскольку в нем не содержатся сверхчеловеческие подвиги и невероятные приключения и поскольку удал, проявленная героем, сказывается только в его речах, нет ничего, что бы могло мешать априори оценке текста как документа, отражающего действительно имевшие место события. Больше того, потеря авторитета, испытываемая Ун-Амуном неоднократно, вместе с полным отсутствием престижа Египта и египтян в Сирии указывает на честность в отчете о провале (?) его миссии»³⁰. В другой работе тот же исследователь заявляет, что «мы вправе расценивать отчет Ун-Амуна как правдивый рассказ о происшествии, имевших место в одиссее египетского посланца в Библ в начале XI в. до н. э.»³¹.

Вполне закономерно сравнение отчета Ун-Амуна с рассказом Синухе. Мнение А. Видемана и Г. Лефевра мы уже привели. Несколько подробнее подходит к этому Олбрайт: «Синухе и Ун-Амун относятся к области истории и могут быть использованы с необходимой осторожностью»³². В частности, о рассказе Синухе он говорит: «Не принимая буквально всякое утверждение из повести Синухе, мы тем не менее будем правы, оценивая его в основе как правильно отражающее жизнь и среду»³³. В другой работе он пишет: «Больше того, отчет Ун-Амуна относится к той же категории текстов, что и рассказ Синухе, который я раньше расценивал как исторический вымысел, но теперь рассматриваю как подлинное изложение действительности. Различие между ними заключается в том, что рассказ Синухе является более пространным литературным изложением той автобиографии, которая могла появиться в гробнице какого-нибудь действительно существовавшего в середине XX в. до н. э. вельможи Синухе, тогда как отчет Ун-Амуна выглядит как пространное и литературное изложение официального текста о его миссии. Открытие за открытием подтверждают общую правдивость этого повествования. Приведенные в нем диалоги следует рассматривать как типичные, но вряд ли они являются точной записью того, что действительно было сказано. Когда Ун-Амун упоминает названия и местности, описывает политические и экономические подробности, мы можем безопасно ему довериться; когда же он, говорит о самом себе в положительных тонах или претендует на успех своих уловок, нам следует относиться к этому осторожно, исходя из обязанностей историка с некоторым скептицизмом подходить к автобиографии, [13] учитывая человеческую слабость — тщеславие»³⁴. В другом месте, указав на правдивость содержания отчета, Олбрайт оговаривается: «Это не значит, что мы должны некритически относиться ко всему, о чем нам рассказывает это повествование, но это значит, что оно верно в описании политического положения, географических условий и что оно отражает культурный уровень, религиозные идеи и практику своего времени»³⁵.

²⁹ F. Griffith, *Catalogue*, III, p. 66, 67.

³⁰ W. Albright, *The Eastern Mediterranean*, p. 223.

³¹ W. Albright, *Archaeology*, p. 63.

³² Ibid.

³³ Ibid., p. 62.

³⁴ W. Albright, *The Eastern Mediterranean*, p. 223.

³⁵ W. Albright, *Archaeology*, p. 63. — Барнс также сравнивает оба эти произведения египетской литературы и приходит к выводу, что в основе их лежало изложение подлинных событий: в основе повести Синухе лежит автобиографическая заупокойная надпись, в основе истории Ун-Амуна — подлинный отчет о его злоключениях, см.: J.W.B. Barns, *Egypt and the Greek Romance*. «Mitteilungen aus der Papyrussammlung der österreichischen Nationalbibliothek (Papyrus Erzherzog Rainer)». Neue Serie V, Wien, 1956, S. 30, Anm. 4. (На эту

Несомненно, что сравнение рассказа Синухе с отчетом Ун-Амуна вполне закономерно. Следует отметить, что во всей египетской литературе рассказ Синухе и отчет Ун-Амуна являются исключениями: только они могут быть названы строго реалистическими произведениями, в которых подробно и правдиво отразилось время каждого из них. Уже сам по себе факт их исключительного места в египетской литературе заслуживает внимания и подтверждает их оценку, как правдивого описания действительности. Вопрос, как нам кажется, заключается не в том, фикция ли перед нами, а в том, являются ли оба произведения официальными документами или их литературной обработкой. Что касается рассказа Синухе, то здесь, по-видимому, вопрос решается легко: нет сомнения в том, что это литературное произведение. Литературность его, однако, несколько не исключает правдивости описанных в нем событий.

Сложнее обстоит вопрос с отчетом Ун-Амуна: если сами египтяне рассматривали рассказ Синухе как литературное произведение, к тому же очень популярное, свидетельством чему служит множество его копий от разных времен, то ничего подобного в отношении отчета Ун-Амуна нет: как правильно отметил Черный, слова которого мы уже привели, нет даже ни одного остракона, содержащего хотя бы одну фразу из этого текста. Следовательно, он не имел литературного хождения. Наличие в нем художественных достоинств — живость и образность изложения, диалоги и т. п. — вовсе не аргумент против историчности этого документа. Ведь хорошо известно, что ряд надписей царей и вельмож, излагающих несомненные исторические факты и не имевших литературного хождения, отличается беспорными литературными достоинствами. Такова, например, знаменитая надпись эфиопского фараона Пианхи, о которой Б.А. Тураев пишет: «Стиль ясный, изложение дельное и толковое и, тем не менее, оживленное и речами, и собственными словами, и картинными описаниями, напр., военного совета (по-видимому, традиционно, как в анналах Тутмоса [14] и Кадешской поэме), осад и т. п. Дань архаизму отдана в умелом приведении цитат из древних религиозных текстов пирамид. Выгодно выступает перед нами и образ героя надписи с его симпатичными человеческими чертами»³⁶.

Подобных фактов можно было бы привести множество. Начиная с автобиографических текстов вельмож Древнего царства вплоть до греко-римской эпохи включительно, нетрудно проследить тенденцию облечь исторические документы в литературную форму. Поэтому наличие художественных достоинств в отчете Ун-Амуна еще не является доказательством в пользу неисторичности этого текста.

Как мы отметили, большинство исследователей видит в тексте отчета правдивое описание действительно происшедших событий. Вряд ли имеются основания возражать против такой оценки текста. Ведь уже со времен Древнего царства мы имеем подлинные автобиографические повествования о путешествиях за пределы Египта в дальние страны, в которых живо и образно описаны различные события, подвиги и неудачи их авторов. Таковы, например, рассказ Хуэфхора³⁷, рассказ Уны и др. Отметим, что от той же эпохи Древнего царства сохранилось, правда в очень лаконичной форме, сообщение некоего Хнумхетепа времен VI династии о том, что он посетил Пунт и Библ³⁸. В автобиографической надписи вельможи Хенену имеется несколько поврежденное место текста, из которого, однако, можно заключить, что он совершил экспедицию в Ливан за кедром (ꜥš). Кроме того, встречающееся там слово ꜥš указывает на то, что речь идет о лесоповале³⁹. Но настоящим предшественником отчета Ун-Амуна является отчет жившего при Тутмосе III вельможи Сеннуфе, обнаруженный в его гробнице в Шейх-абд-эль-Гурне и опубликованный и исследованный Зете⁴⁰. К сожалению, этот интереснейший документ крайне фрагментирован.

работу обратил мое внимание И.С. Кацнельсон).

³⁶ Б.А. Тураев, *Египетская литература*, М., 1920, стр. 210.

³⁷ Urk. I, 120.

³⁸ Ibid., 141. См. также: P. Newberry, *Three Old Kingdom travellers to Byblos und Pwenet*, JEA, 24 (1938), 182, 183.

³⁹ W. Hayes, *Carrier of great steward Henenu*, JEA, 35 (1949), p. 49.

⁴⁰ K. Sethe. *Eine ägyptische Expedition nach dem Libanon im 15 Jahrhundert v. Chr.* SPAW, 1906, S. 356;

Содержание его аналогично содержанию отчета Ун-Амуна: это краткий рассказ о том, как Сеннуфе отправился в Библ за лесом и как он с этим лесом благополучно вернулся в Египет. Здесь, как и в отчете Ун-Амуна, излагается только этот факт, и никаких автобиографических данных до плавания в Библ и после возвращения в Египет не приводится. Зете, конечно, сопоставил этот документ с отчетом Ун-Амуна и подчеркнул резкую разницу между обстановкой в Библе во времена Сеннуфе и во времена Ун-Амуна: Сеннуфе со своими людьми сам рубил лес в горах Библа, как у себя дома, доставил этот лес на берег и погрузил его на свои [15] суда. Четыреста лет спустя Ун-Амун был вынужден униженно вымалывать лес у правителя Библа, и не люди Ун-Амуна, а подданные правителя Библа рубили лес и доставляли его на берег.

Это, конечно, очень интересно. Но обратим внимание на другое обстоятельство, особенно ценное для нас: рассказ Сеннуфе начинается от третьего лица, а затем ведется от первого. То же самое мы видим и в отчете Ун-Амуна. Разница между обоими документами заключается в том, что первый очень краток и сжат, второй — пространен и изобилует деталями. Последнее, однако, как мы отмечали, не является аргументом против историчности документа, и в том случае, если наш папирус, что вероятнее всего, является литературным изложением подлинного официального отчета.

Как уже было отмечено, папирус № 120 — уникальный: мы не располагаем ни одной его копией, полной или частичной, ни одним остраконом, содержащим хотя бы одну фразу из отчета. Однако из этого нельзя сделать вывод, что наш папирус является оригиналом; скорее всего — это копия с другого документа. Прямых доказательств этого мы не имеем, но наблюдения над текстом говорят за наше предположение.

Уже в самом начале текста имеются три совершенно несовместимые даты (1, 1; 1, 6 и 1, 8), и поэтому здесь налицо две ошибки: одна из дат, несомненно, правильная, две — перепутаны (см. об этом подробнее в «Историческом комментарии»). Трудно предположить, что так могло быть в оригинале: вероятно, это результат небрежного копирования, столь часто засвидетельствованного в египетских текстах.

В самом конце строки 2, 15, как это отметил еще Эрман, пропущено после предлога *r* слово *Kmt* «в [Египет]». Такой пропуск также объясним только тем, что перед нами копия, а не оригинал.

Более чем пятьдесят лет назад Мюллер дал отчету Ун-Амуна оценку, которая может считаться вполне верной и обоснованной: «Мы имеем все основания считать рассказ Ун-Амуна подлинным. Конечно, наш папирус не оригинал отчета, несмотря на свой необычный, напоминающий документ формат: это доказывают ошибки и пропуски в тексте. По возвращении посланец представил во дворец верховного жреца отчет о своем путешествии. Что в изложении его он не всегда последователен, — вполне естественно: он приукрасил его, чтобы тронуть, развлечь читателей, чтобы подчеркнуть свою преданность и ярче показать встреченные им трудности. Интересный отчет был затем переписан как литературное произведение, как и многие другие отчеты о путешествиях в предшествующие времена. Поэтому я полагаю, что данные о чужеземных странах можно рассматривать как надежные. Даты производят впечатление написанных наспех, на память и имеют лишь относительную ценность. Но ведь составитель текста был сыном любезного и небрежного египетского народа. Дневник [16] вавилонянина или палестинца выглядел бы, может быть, иначе, с более точными датами, расстояниями и т. п. Но автор нашего текста безусловно сделал все, что мог: нельзя ожидать большего от настоящего египтянина»⁴¹.

Замечание Мюллера о небрежности египетской документации тонко и верно.

Как бы то ни было, ценность текста как исторического источника бесспорна. Во всех исторических работах, где так или иначе затронуты вопросы о взаимоотношениях Египта со странами, расположенными на восточном побережье Средиземного моря, в конце

Urk. IV, S. 535.

⁴¹ M. Müller, *Studien zur vorderasiatischen Geschichte, II. Die Urheimat der Philister, Der Papyrus Golénischeff. Die Chronologie der Philistereinvandlung* («Mitteil. der Deutschen vorderasiatischen Gesellschaft», Berlin, 1900, 28).

XX династии и позже, всегда совершенно правильно использован отчет Ун-Амуна.

Современный этому документу ономастикой Аменопе, как указал Альт, косвенным образом подтверждает данные папируса № 120 об упадке египетского влияния на восточном побережье Средиземного моря⁴².

Отчет Ун-Амуна, как указал Олбрайт, обрисовывает положение в этих странах в то время, когда «Одиссея» еще не была написана и когда Сидон и Тир еще были в тени, уступая пальму первенства Библи. «От догеродотовских времен мы не имеем ни одного подобного документа: нигде в столь сжатой форме не содержится столько интересных подробностей о людях и обычаях народа, к которому не принадлежал рассказчик»⁴³.

В заключение мы приведем слова того же Олбрайта о ценности отчета Ун-Амуна как исторического источника: «Нужен объемистый том для исчерпывающей интерпретации отчета Ун-Амуна, исторического источника древности, к которому до сих пор в известной степени относились пренебрежительно. Его большое значение для гомеровской проблемы было уже отмечено различными учеными, но до сих пор не выявлено с надлежащей ясностью»⁴⁴. [17]

ОПИСАНИЕ ПАПИРУСА

В.С. Голенищев, описывая состояние папируса, говорит: «...а от третьей (рукописи. — М. К.), состоявшей первоначально из трех листов, оказались налицо: первая четверть и вторая половина первого листа, весь второй лист и лишь очень подпорченное начало третьего листа»⁴⁵. Таким образом, Голенищев констатирует, что папирус состоит из четырех кусков. В своей второй работе, содержащей иероглифическую транскрипцию папируса, В.С. Голенищев последовательно располагает куски папируса и нумерует их строки.

Лист 1-й (или страница 1-я) содержит:

1-й кусок, со строками 1–23 текста; этот кусок оканчивается узким длинным язычком, на котором сохранились следы еще четырех строк (24–27);

2-й кусок, который не прилегает непосредственно к 1-му, но вместе с тем является его продолжением. Таким образом, между этими кусками находился, по мнению В.С. Голенищева, исчезнувший кусок, их соединявший. Поскольку неизвестно, сколько он содержал строк, то неясно также, какой по порядку от самого начала папируса (т. е. от первой строки первого куска) является первая строка 2-го куска. Поэтому В.С. Голенищев пронумеровал строки 2-го куска, начиная с X+1 и кончая X+24 (второй кусок содержит 24 строки). Эта нумерация В.С. Голенищева удержалась в науке (иногда перед X ставят 1, чтобы дать понять, что кусок папируса, содержащий строки X+1 — X+24, является частью 1-го листа или страницы папируса).

Таким образом, по В.С. Голенищеву, 1-й лист или страницу папируса составляют: 1-й кусок, строки 1–23 (с язычком и следами строк 24–27); лакуна; 2-й кусок со строками X+1 — X+24; 1-й кусок соответствует тому, что В.С. Голенищев назвал первой четвертью 1-го листа; 2-й кусок — второй половине 1-го листа.

Далее следует 2-й лист, хорошо сохранившийся и содержащий 83 строки. В.С. Голенищев сообщает, что «небольшой фрагмент был впоследствии мне подарен (в 1892 г.) покойным другом моим, профессором [18] Генрихом Бругшем, к которому этот кусочек случайно попал в числе папирусов, присланных ему из Египта в Берлин»⁴⁶. Позже

⁴² A. Alt, *Syrien und Palästina im Onomastikon des Amenope*, «Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel», München I (1953), S. 245.

⁴³ W. Albright, *The Eastern Mediterranean*, p. 223.

⁴⁴ W. Albright, *The Eastern Mediterranean*, p. 231; *Archaeology*, p. 131.

⁴⁵ В.С. Голенищев, *Гиператический папирус из коллекции В. Голенищева...*, стр. 45.

⁴⁶ Там же.

В.С. Голенищев мимоходом отметил, что этот фрагмент относится ко 2-му листу (или странице) папируса. Однако где этот фрагмент — неизвестно, так как его нет ни в одной из трех стеклянных рамок, содержащих части папируса, не упоминается он больше ни самим В.С. Голенищевым, ни другими египтологами, изучавшими документ (в том числе и Гардинером).

Наконец, идет тот кусок папируса, который В.С. Голенищев назвал очень испорченным началом 3-го листа, который содержит 14 строк⁴⁷. Таким образом, схема голенищевской реконструкции такова: 1-й лист папируса:

1-й кусок (строки 1–23 и язычок со следами строк 24–27); 2-й кусок (со строками 1,X+1 — 1,X+24). 2-й лист папируса (строки 1–83); 3-й лист папируса (начало, строки 1–14).

Отметим, что, очевидно, в соответствии с этой схемой папирус и был в свое время смонтирован в три стеклянные рамки еще в Музее изящных искусств, и по традиции он хранится в том же виде и в ГМИИ: одна рамка содержит два куска папируса 1-го листа — первый со строками 1–23 и второй со строками 1,X+1 — 1,X+24; вторая рамка — весь 2-й лист целиком (83 строки) и, наконец, 3-я — ту часть папируса, которую В.С. Голенищев назвал началом 3-го листа папируса.

Приведем размеры всех перечисленных кусков папируса:

Лист 1-й.

Кусок 1-й, строки 1–23: высота — 0,44 м; ширина — 0,23 м; верхнее поле — 0,08 м; длина язычка: 0,078 м (от 1,23 до конца, расстояние от 1,23 до 1,27–0,054 м).

Кусок 2-й со строками 1,X+1 — 1,X+24; высота — 0,34 м, ширина — 0,23 м; нижнее поле — 0,02 м.

Лист 2-й (с 83 строками): высота — 1,09 м; ширина — 0,23 м; верхнее поле — 0,025 м; нижнее поле — 0,045 (в среднем).

Лист 3-й (с 14 строками): высота — 0,18 м (средняя), ширина — 0,20 м.

Следует подчеркнуть, что приведенные размеры приблизительны, например ширина колеблется в разных местах в пределах 0,235–0,237 м. Но эти колебания вполне закономерны для папирусных листов, изготовлявшихся вручную.

М. Мюллер в своей работе, опубликованной в 1900 г., полностью придерживался реконструкции папируса, предложенной В.С. Голенищевым⁴⁸. Но уже в том же году Эрман внес существенное исправление в эту [19] реконструкцию: сильно поврежденную часть папируса, которую Голенищев принимал за начало 3-го листа, Эрман определил, как часть 1-го листа, отчасти заполняющую лауну между кусками 1 и 2. Эрман считал, что этот 3-й лист (по В.С. Голенищеву, начало 3-го листа) не представляет собой непосредственного продолжения куска 1-го листа 1-го, так же и кусок 2-й листа 1-го не является непосредственным продолжением листа 3-го с его четырнадцатью строками⁴⁹.

Таким образом, по Эрману, мы имеем следующую схему реконструкции папируса:

Лист 1.

1-й кусок со строками 1–23 (и язычок со следами строк 24–27).

Лауна.

Голенищевское начало 3-го листа с четырнадцатью строками.

Маленькая лауна.

2-й кусок со строками 1,X+1 — 1,X+24.

Лист 2.

Эрман был безусловно прав, относя «начало 3-го листа» к листу 1: за это говорит его содержание.

Реконструкция Эрмана была общепризнана, и все последующие работы исходят из нее. Нумерация же осталась прежняя, с той только разницей, что «начало 3-го листа» стало считаться частью листа 1-го.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ М. Müller, *Studien zur vorderasiatischen Geschichte*, II, 1900, 14 сл.

⁴⁹ А. Erman, *Eine Reise nach Phönizien im II Jahrhundert v. Chr.*, ZÄS, 38 (1900), S. 1–6.

В 1932 г. появился в свет замечательный труд Гардинера «Late-Egyptian stories», содержащий только иероглифические транскрипции новоегипетских литературных произведений, снабженных палеографическими и лишь отчасти филологическими замечаниями. Вышедший из-под пера крупнейшего филолога и палеографа, этот труд содержит также и полную иероглифическую транскрипцию папируса № 120 ГМИИ с отчетом Ун-Амуна. Образцовая транскрипция этого маститого ученого отличается типичной для его работ тщательностью, точностью и обоснованностью. Здесь Гардинер придерживается новой реконструкции папируса, несколько отличающейся от реконструкции Эрмана. Во введении, на стр. XI–XII, Гардинер рассказывает, как и почему он пришел к этой реконструкции.

Транскрипция Гардинера была сделана по фотографиям папируса, которые ему лично когда-то подарил владелец папируса — В.С. Голенищев. Фотографии эти были невелики, но достаточно отчетливы. Во время работы над ними Гардинер получил от ленинградского египтолога проф. И.М. Лурье (Государственный Эрмитаж) фотографии папируса большего размера и письмо от 15 сентября 1931 г. Гардинер приводит следующие выдержки из этого письма И.М. Лурье: «От папируса сохранилось всего две страницы, почти одинакового размера; порядок чтения следующий: [20] 1,1–27; затем голенищевский 3,1–14; потом 1.X+1 — 1.X+24. Все это вместе составляет первую страницу». Затем Лурье в своем письме поясняет, что страница вторая папируса состоит из 83 строк. После этого Гардинер приводит следующие слова из письма И.М. Лурье: «Я осмотрел места, где папирус склеен. Папирус состоит из одинаковых кусков, склеенных вместе, высота каждого равна приблизительно 18 см... Наверху голенищевского 3-го листа сохранились следы склеенного места, и размеры этого куска — 18,5 см, что соответствует куску между двумя склеенными местами». Гардинер указывает, что последнюю фразу И.М. Лурье он не понял, но что следующее письмо И.М. Лурье разъяснило ее значение, а именно, что И.М. Лурье рассматривает «голенищевский 3-й лист» как часть 1-го листа, непосредственно примыкающую снизу к куску 1-му со строками 1+23 (и язычком со следами строк 24–27) и сверху к куску 2-му со строками 1,X+1 — 1.X+24. Таким образом, утерянных строк, по мнению Гардинера, нет. Далее Гардинер пишет: «Ясно, что приоритет открытия принадлежит И.М. Лурье, хотя подтверждение этого таким опытным техником, каким является д-р Ибшер, имеет большое значение. С этого времени предпочтительно принять последовательную нумерацию строк на листе 1 и исключить прежнюю, более сложную. Таким образом, лист 1 содержит 59 последовательных строк, лист 2 — 83. Утерянный 3-й лист содержал окончание рассказа».

На стр. 63 своего труда Гардинер приводит чертеж реконструкции папируса и несколько замечаний к нему (в настоящем издании этот чертеж воспроизводится ниже).

Сопровождающие чертеж замечания Гардинера сводятся к следующему: д-р Ибшер, тщательно рассмотрев имевшиеся у Гардинера фотографии папируса, пришел к таким выводам: верхнее, сравнительно широкое поле «голенищевского 3-го листа» — не начало листа, а то место куска папируса, которое было подклеено под самый конец куска 1-го, а язычок последнего заполняет клинообразную лауну в верхней части «голенищевского 3-го листа». Самый же низ «голенищевского 3-го листа» был наклеен на верхнюю часть куска 2-го, содержащего строки 1,X+1 — 1.X+24. «Эта теория, — заключает Гардинер, — блестяще подтверждается филологическими данными». Этой реконструкции придерживались и все последующие авторы. Остановимся на ней подробнее.

Обратимся сначала к вопросу об отношении нижней части «голенищевского 3-го листа» к куску 2-му листа 1, содержащего строки 1,X+1 — 1.X+24. Верхняя часть 2-го куска листа 1, со строками 1,X+1 — 1,X+24, сильно повреждена, и фактически более или менее цельной ее частью является левая половина, содержащая вторую половину строки 1,X+1, над которой мы видим поле, довольно узкое, но более широкое, чем расстояние между строками; вероятнее всего, в неповрежденном виде это поле [21] было несколько шире и, безусловно, тянулось во всю ширину куска 2-го. Отсюда следует, что оно было подклеено к какому-то другому куску папируса, который своей нижней частью был наклеен на это поле. Хотя

в нижней части «голенищевского 3-го листа» все настолько разрушено, что там нельзя найти никаких следов подклейки или наклейки, все же почти несомненно, что именно он был наклеен своей нижней частью на верхнее поле куска 2-го, т. е. на поле выше строки 1.X+1. В пользу такого вывода говорит содержание текста: как правильно указал Эрман⁵⁰, последние слова 3,13 и слова 1.X+1 — 1.X+2 составляют одно целое; это обращение Ун-Амуна к правителю Библа. Так же понимают это Лурье, Гардинер и Ибшер. И нет серьезных оснований для опровержения такой реконструкции папируса в этой его части.

Рассмотрим вопрос о реконструкции верхней части «голенищевского 3-го листа». Она сильно разрушена, но последняя треть первой строки сохранилась довольно явственно. Над ней кусок довольно широкого поля, которое значительно шире расстояния между строками. Вполне логично допустить, что в неповрежденном виде оно было еще больше и, безусловно, тянулось во всю ширину «голенищевского 3-го листа», а отсюда необходимый вывод, что это поле было подклеено под какой-то другой кусок папируса. В этом сходятся мнения Лурье, Гардинера и Ибшера. Но вопрос заключается в следующем: какой кусок папируса был наклеен своей нижней частью на верхнее поле «голенищевского 3-го листа»; по утверждению И. М. Лурье, видевшего папирус, это кусок 1-й со строками 1–23 и язычком со следами строк 24–27; Гардинер и Ибшер, изучавшие папирус только по фотографиям и в известной степени ориентированные И. М. Лурье, присоединились к его мнению.

В очень содержательной статье, посвященной столетию со дня рождения В.С. Голенищева, акад. В.В. Струве указал на необходимость новой проверки правильности этой реконструкции⁵¹. Зная, что я готовлю издание отчета Ун-Амуна, он рекомендовал мне обратить серьезное внимание на эту сторону дела.

Большую и существенную помощь как в подготовке папируса к фотографированию, так и в его обследовании мне доказал главный реставратор ГМИИ М.А. Александровский. В результате тщательного совместного осмотра папируса и его измерения мы констатировали ряд фактов и сделали некоторые выводы, изложенные в нижеприведенном документе.

«6 апреля 1957 г. мы подвергли папирус № 120 ГМИИ им. А.С. Пушкина тщательному осмотру и произвели несколько его измерений. В результате нами установлены следующие факты: [22]

1. Текст написан на той стороне папируса, на листах 1, 2 и на «голенищевском начале 3-го листа», где волокна папируса идут в направлении, перпендикулярном направлению строк папируса.

2. Верхнее поле листа 1-го, как и верхнее поле листа 2-го представляют собой полосы папируса, приклеенные к следующим ниже частям этих листов: это совершенно отчетливо видно в оригинале; они отличаются тем, что волокна папируса здесь параллельны следующим ниже строкам текста.

3. Лист 1, как это правильно констатировал И.М. Лурье, состоит из нескольких склеенных между собой кусков папируса, высота каждого из которых равна приблизительно 0,18 м.

4. Кусок 1-й папируса со строками 1–23 и язычком со следами строк 24–27 имеет следующую структуру: наверху идет поле высотой 0,08 м, затем к нему подклеена полоса папируса высотой около 0,18 м, к последней — полоса такого же размера; получается общая высота 0,44 м. Приблизительно на уровне строки 22 к последней полосе была подклеена еще одна полоса, но она оторвана и утеряна, за исключением строки 23 и язычка со следами строк 24–27. Таким образом, этот язычок является частью уже третьей полосы. Видимая на фотографии почти горизонтальная изломанная линия в верхней части язычка, пересекающая его поперек, является складкой в папирусе [см. факсимиле].

Обследование обратной стороны папируса показывает, что то, что осталось от третьей полосы, т. е. строка 23 и язычок со следами строк 24–27, сильно пострадало и расслоено:

⁵⁰ А. Erman, *Eine Reise nach Phönizien im II Jahrhundert vor Chr.*, S. 6.

⁵¹ В.В. Струве, *Значение В. С. Голенищева для египтологии*, «Древний Египет», М, 1959.

слой verso с волокнами, параллельными строкам текста, утерян.

5. Длина язычка между нижней кромкой строки 1,23 и верхней кромкой строки 1,27 равна 0,054 м, т. е. она точно соответствует расстоянию между нижней кромкой строки 3,1 и верхней кромкой 3,5 на «голенищевском 3-м листе».

Впервые замеченная акад. В.В. Струве тонкая прядь на правой стороне языка была очень внимательно обследована М.А. Александровским, который установил, что она является тонкой свернутой полоской язычка. Развернув и выпрямив ее, он обнаружил на уровне строки 1,25 ранее совершенно невидимый знак. Ширина язычка на протяжении всей его длины равна 0,015 м.

6. Обследование «голенищевского 3-го листа» позволило установить следующее: он очень поврежден, как с лицевой, так и с обратной стороны. В нем утеряна значительная часть волокон обоих слоев (recto и verso), составлявших его в склеенном виде. Сохранившиеся волокна часто очень деформированы и сбиты с мест: много мелких кусочков утеряно на его поверхности и большие куски вырваны со всех сторон по краям. Цвет папируса значительно темнее, чем кусков 1 и 2 листа 1 и листа 2. [23]

Узкая горизонтальная полоска в верхней части лакуны не состоит из сплоченных неповрежденных волокон: в настоящем виде эта, на первый взгляд сплошная, перемычка является результатом механического сцепления волокон. Эта перемычка появилась в результате деформации и порчи папируса и не является органическим продолжением верхнего поля, сохранившегося в верхней новой части.

На уровне строк 3,4 и 3,5 ткань папируса настолько разрушена, что нельзя говорить о цельности ткани в этом месте. Однако разрыв между правыми и левыми частями строк 3,4 и 3,5 настолько узок и незначителен, что язычок шириной 0,015 м никаким образом здесь поместиться не может. Однако, принимая во внимание деформацию и повреждение «голенищевского 3-го листа», можно допустить, что именно в результате этого произошло смещение волокон ткани и сужение первоначальной ширины лакуны, хотя уверенности в этом нет».

Знак, обнаруженный М.А. Александровским, *m*, т. е. как раз тот знак, который в этом месте восстановил Гардинер. Теперь восстановление Гардинера стало достоверностью. Весь текст отчета Ун-Амуна написан только на одной стороне листов 1 и 2; на обратной стороне текста нет.

На лицевой стороне (recto) волокна папируса перпендикулярны строкам текста, на обратной (verso) — параллельны строкам.

Текст написан черными чернилами, без пунктуации. Красные чернила встречаются в строках 1,1; 1,6; 1,8; 1,38 (1,X+3); 1,47 (1,X+12); 1,57 (1,X+22).

В строках 1,1; 1,6; 1,8 красными чернилами написаны даты: в строке 1,38 (1,X+3) — придаточное предложение, предшествующее главному, которым начинается изложение нового эпизода отчета. Таково же применение красных чернил в строках 1,47 (1,X+12) и 1,57 (1,X+22).

Размеры знаков различных листов папируса неодинаковы. Иероглифы 2-го листа почти вдвое меньше знаков 1-го листа.

На обратной стороне папируса, как сказано, текста нет. Однако на обратной стороне куска 2-го в нижней его части, от строки 1,56 (1,X+21) до строки 1,48 (1,X+13), перпендикулярно им имеются две строки текста, не имеющие ничего общего по своему содержанию с отчетом Ун-Амуна. На обратной стороне «голенищевского 3-го листа», в нижней его части, на уровне строк 13–14, в конце их, слабые следы исчезнувших знаков, которые прочесть невозможно. Гардинер, опубликовавший в 1932 г. иероглифическую транскрипцию отчета Ун-Амуна, располагал фотографиями всего текста, поэтому, конечно, его палеографическая датировка достаточно надежна. Вместе с Я. Черным он совершенно определенно указывает, что отчет Ун-Амуна и «голенищевский глоссарий», найденные вместе, написаны по палеографическим данным рукой одного и того же сcribe: на это указывает полная тождественность написания множества знаков в обоих [24] документах.

Если в начертании некоторых знаков имеются различия, то это объясняется, вероятно, тем, что между моментами написания обоих документов могло пройти несколько лет. «Во всяком случае, — заключает Гардинер, — оба папируса, которые были найдены вместе, почти современники». Что же касается отчета Ун-Амуна, то Гардинер относит его ко времени, близкому к последним годам правления Рамсеса XI⁵².

Гардинер и Я. Черный — крупнейшие современные палеографы, особенно в области новоегипетских текстов, и у нас нет оснований сомневаться в их выводах. Таким образом, отчет Ун-Амуна палеографически относится к XXI династии.

Несколько слов о знаках *hd* в самом конце листа 2. Следует отметить, что в строках 2,82 и 2,83 находим глагол *hdb* «убивать». Оба знака внизу листа 2-го — как раз первые два звука этого глагола. Акад. В.В. Струве, рассмотрев их, выразил мнение, что они напоминают поправки, встречающиеся в так называемых «школьных рукописях», и написаны более опытной рукой, чем весь текст отчета, т. е. являются образцом для того, кто писал отчет. Если это остроумное предположение соответствует истине, оно также говорит в пользу того, что отчет Ун-Амуна является копией, а не подлинником. [25]

⁵² А. Gardiner, *Onomastica*, p. 2.